

НАША СТРАНА

Год издания—51-й. Буэнос Айрес, суббота 16 января 1999

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 16 de enero de 1999 N° 2527-2528

А. НИКОНОВ

РУСОФОБИЯ НА ЗАПАДЕ

После распада СССР русофобия на Западе не только не ослабла, но и, напротив, усилилась. Газеты, журналы, телевидение, кинофильмы, театральные постановки — словом все, что воздействует на так называемое общественное мнение, — выливает на западного потребителя потоки русоненавистничества, как в самые тяжелые времена противостояния Российской Империи и Европы. Несколько лет назад в пропагандном образе России (между ней и СССР традиционно не делалось никакого различия) на общем фоне резкой враждебности еще появлялись „положительные“ герои — немногочисленные демократы западной складки, надежда Америки и Европы, подаваемые как надежда России. В последнее же время пропаганда в контексте полного и безоговорочного отрицания нашей страны стала часто нападать даже на свое любимое детище — постсоветскую демократию.

По западной установке, в России плохо все: русские по натуре ленивы, жестоки и духовно ограничены; „настоящая“ демократия в таком государстве невозможна; монархисты все сплошь ретрограды, националисты и пьяницы — то же, что и коммунисты; православная Церковь тоже до мозга костей реакционна и деспотична; все предприниматели преступники; все товары плохого качества; простые люди — рабы, склонные к хамству и алкоголизму; армия состоит из дикарей и убийц с имперскими амбициями и т. д., и т. п. — и так в „этой стране“ было всегда. Особо неприязнены отзывы западной пропаганды о Царской России.

С наследием „холодной войны“, вопреки отчасти бытующему на Западе мнению, эта пропаганда имеет мало общего. Бросается в глаза ее однозначно расистский характер: это не критика отдельных моментов, представляющихся авторам дурными, а ненависть к целому народу; это плохо скрываемое или не скрываемое вовсе заявление, что весь данный народ по природе своей плох и ничего положительного от него принципиально исходить не может. Особенно явным видится исклю-

чительный характер антирусской пропаганды, если вспомнить, что расизм в западных странах преследуется законом и оскорбительные высказывания в целом об африканцах, азиатах, евреях, арабах, любой другой расе или нации считаются правонарушением. Непрерывная же травля всего русского не смущает, судя по всему, никого.

В последнее время расистская тенденция получила новое развитие. Выходцы из СССР или СНГ, нарушившие закон, совершившие что-нибудь дурное или просто люди несимпатичные, западной пропагандой, независимо от их происхождения и гражданства, как правило, именуются „русскими“. Так, например, гражданин Израиля Л. Бор, по всей видимости, душевнобольной, несколько лет назад устроивший кровавую баню в Кельне и ликвидированный в ходе освобождения заложников, был во многих немецких газетах назван русским, хотя как выходец из советской Средней Азии, ни этнически, ни юридически не имел с Россией ничего общего. В передаче французского телеканала TV5 о преступности в Израиле еврей-иммигранты из „РФ“ совсем уж абсурдно именовались израильтянами, если это были честные люди, и русскими, если они совершили правонарушения. Хулиганство крымских коммунистов в Брюсселе (см. „Нашу Страну“ от 19-12-98) западные газеты, надо полагать, тоже с удовольствием осветили как „чисто русский дебош“ или что-нибудь в этом роде. Все рекорды безобразия побивают, однако, аналогичные материалы в североамериканских средствах пропаганды.

Западный обыватель, гордящийся своей объективностью, кажется, совершенно не в состоянии заметить явную, тенденциозную противоречивость таких передач.

Русофобия на Западе настолько массова, что сообще-

ния о ней иной раз мелькают и в „РФ“ даже в тех газетах и журналах, которые далеки от патриотизма. Так, в прошлом году, газета „Известия“, опубликовала статью об антирусской пропаганде в идеологически относительно спокойной Финляндии. Неизвестный, застреливший в Хельсинки двух полицейских, был общественным мнением молниеносно зачислен в „русские“ только потому, что трагедия произошла недалеко от посольства „РФ“, а сам он якобы „на русский манер“ нес сумку через плечо. Газеты требовали закрыть границу и выслать из страны всех русских. Впоследствии пойманный преступник оказался датчанином. Интересно, что в названной статье два раза употреблено само слово **руссофобия**, столь непопулярное в демократических кругах и подобных „Известиям“ газетах.

Антирусская пропаганда неустанно черпает из классического арсенала западной „науки“, восходящей к запискам езжих авантюристов и миссионеров прошлого: „русский“ депотизм, рабская душа, родословная большевицкой власти от Ивана Грозного и Петра Первого, КГБ — от опричнины, „николаевский“ тоталитаризм, „православный фашизм“... Все это и фигурами с мировым именем, как Шафаревич и Солженицын, и простыми русскими людьми на Западе и в России уже столько раз раскрывалось как самый тупой и примитивный бред, достойный скорее проходить по ведомству д-ра Геббельса, чем печататься в солидной газете и, тем более, считаться наукой, все это так старо и так неизменно, что берет досада на Запад — тот Запад, чью культуру мы, православные русские люди, знаем и любим: — неужели он и в самом деле так безнадежно и непроходимо туп?

Что нам отвечать на этот непрерывающийся поток оскорблений? Многие наши соотече-

ственники по старой российской привычке льстят себя надеждой, что Запад только невольно заблуждается, что нужно доходчиво объяснить ему различия между им и нами — и тогда он поймет нас и осознает всю ошибочность антирусских предрассудков. Увы! — еще 120 лет назад Данилевский писал: „Не надо себя обманывать. Враждебность Европы (и Северной Америки — А. Н.) слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолубии того или другого государственного мужа, а в самых основных ее интересах“. Русофобия — это идеология. Убедить человека Запада в том, что 99 % всей доступной ему информации о России — ложь, практически невозможно.

Но отвечать ненавистью на ненависть, презирать европейцев и американцев за их безграничное невежество мы тоже не можем — хотя временами соблазн бывает велик. Мы не можем это не потому, чтобы они в чем-то превосходили нас или их враждебность к нам была хоть в чем-то оправдана, а потому что неприязнь к целым нациям, расам и культурам противна нашей христианской традиции, нашей культуре. Нам следует уклоняться от идеологических дискуссий с ними как от занятия пустого и бессмысленного. Нам нечего разьяснять и не в чем оправдываться. Тем из нас, кто живет на Западе или по службе общается с западными руссофобами, если невозможно молчать, должно конкретными фактами истории и политики ставить их на место. У нас нет возможности официально опровергнуть каждую лживую статью, каждую псевдонаучную книгу, каждую подтасовку на киноленте. Но в случае действий, юридически квалифицируемых как расизм, оскорбление национальных и религиозных чувств и т. п., нужно прибегать к защите закона, как сделал бы это любой другой иностранец, живущий в западной стране. В этом смысле образцовая организация — Конгресс Русских Американцев. Хорошо, если бы подобные организации были и в Европе.

А. НИКОНОВ

НОВЫЙ НОМЕР ТЕЛЕФОНА РЕДАКЦИИ

С воскресенья 24 января 1999 года номер телефона-факса

„Нашей Страны“ изменяется:

Для городских и пригородных звонков: 4-544-0530.

Для звонков из-за границы: (54-11) 4-544-0530.

На последней странице в подвале каждого номера газеты печатается также этот новый номер телефона.

ПЕЧАТЬ

МАЛОВЕРИЕ

Издающийся в Медоне под Парижем бюллетень "Nouvelles du Monde Orthodoxe", за октябрь-ноябрь с. г., выражает полную солидарность с московским патриархом в деле непризнания подлинности царских останков.

Приводя при этом довольно странные аргументы: „В православной традиции, святые сами открывают свои мощи, а научные доказательства тут — второстепенны“.

Хорошо было бы пояснить: как это святые указывают сами на свои мощи? И какого рода чуда требуют от Бога издатели бюллетеня?

Чтобы небеса разверзлись, и ангелы возвестили бы истину? Так ведь так не бывает... И это свершится лишь при Втором Пришествии.

А разве не диво дивное, что рядовые советские граждане, Рябов и Авдонин, почувствовали вдруг потребность разыскать скелеты Императорской Семьи? Не Господь ли вложил в их души подобную мысль? В чем они сами, понятно, себе полного отчета не отдавали...

Или не сами ли Августейшие Мученики, зная, что пришел час их славы, подтолкнули этих людей на поиски и подсказали им, где и как следует искать?

Что до мотивов, движущих советского патриарха, они совершенно ясны, и ничего общего не имеют с религией.

Все западные обозреватели (включая и Жоржа Нива, которому с негодованием возражают „Новости Православного Мира“) понимают и громко констатируют, что действия Алексия обусловлены нежеланием раздражать национал-большевиков, для которых, разумеется, торжественные похороны невинных жертв ленинского злодейства, — острый нож.

Впрочем, налицо ведь тут и другая еще передержка, по принципу локости рук. Новоявленные союзники красного духовенства (вернее, растленной чекистами высшей его иерархии) затемняют самую суть вопроса.

Можно ведь не признавать канонизации покойного Государя, его Жены и Детей, можно даже быть вчистую атеистом, — и тем не менее признавать (вовсе несомненный и строго научно доказанный) факт, что обнаруженные в Екатеринбурге кости принадлежат именно им; и потому их захоронение в Петропавловской крепости являлось вполне законным.

Если же уж говорить о церковных и традиционных методах установления святости, то главным всегда было — сохранность мощей. А тут... На костре жгли, серной кислотой заливали, — и все же подлинно нетленные мощи налицо!

Те, кто не видит и не слышит правды, чьи глаза и уши закрыты наглухо идеологическими соображениями, — тех, наверно, и ангел сошедший с неба ни в чем бы не убедил.

ПРИСТРАСТИЕ К ИЗВРАЩЕНЦАМ

С удивлением наблюдаем слабость, питаемую „Русской Мыслью“ к представителям третьего

пола, в частности к поэтам с подобными склонностями, независимо от размера их таланта.

Рембо, Кавафис, Кузмин, Парнок... Теперь вот печатаются с продолжениями, уже во многих номерах, воспоминания А. Штейгера, поэта по любому счету третьестепенного, но хорошо известного как гомосексуалиста, под заглавием „Я стремлюсь в Париж“.

В них мало интересного, хотя и поминаются люди, игравшие некоторую роль в парижской эмиграции в 20-е годы. Отметим его резкое осуждение Мережковского и Гиппиус за чрезмерный, с его точки зрения, антикоммунизм.

Полагаем, они были ближе него к правде.

ДИССИДЕНТЫ В ОТСТАВКЕ

Выпуск парижского журнала „Ле Пуэн“ от 19 декабря 1998 специально посвящен России., с подзаголовком: „Путешествие к сердцу Всея Руси“. Он издан роскошно, с массой фотографий и карт, но по содержанию не особенно интересен: на уровне среднего француза, который мало знает и плохо понимает Россию, и которому тут даются о многом элементарные разъяснения, иногда верные, а иногда и нет.

Выделим статью Р. Гюбера „Что осталось от диссидентов?“, рисующую горечь прежних борцов против большевизма, наблюдающих, что у власти остались те же люди, которые их некогда сажали в тюрьмы и отправляли в ссылки.

Отметим слова автору очень когда-то известной диссидентки Мальвы Ланды, что она, подобно Солженицыну, считает, что демократия западного типа вряд ли подходит для России. По ее мнению, нужна была бы монархия.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МЕРЗОСТЬ

В том же журнале сообщается, что в Голландии подготавливается закон, разрешающий однополые браки и, хуже того, усыновление подобными парами чужих детей. Можно себе представить, какая участь ожидает этих детей!..

Во Франции тоже проектируются подобные законы и, возможно, в ближайшее время будут приняты. Между тем, легко убедиться, что средний француз, будь он из простого народа или вполне образованный, с величайшим отвращением и презрением относится к гомосексуалистам. Но в демократических государствах, как ни странно, мнение народа роли не играет: стоящая у власти левая интеллигенция ему без труда навязывает свои капризы.

ИЛОВАЙСКАЯ VERSUS СОЛЖЕНИЦЫН

По поводу отказа А. Солженицына принять от нынешнего правительства „Российской Федерации“ орден, главный редактор „Русской Мысли“ выносит писателю решительное осуждение, обвиняя его в „огульном осуждении всего периода с 1991 по 1998 год“ и считая оное „несправедливым и необоснованным“.

СКАТ В БЕЗДНУ

Жутко читать в „Русской Мысли“ (от 7 января с. г.) деловые констатации относительно положения дел в России, в таком вот роде: „кабинет министров опира-

ется на поддержку парламентского большинства (напомним, что это большинство — коммунистическое)“; „у власти стоят люди, идейно близкие коммунистам“.

Если так, то невольно спрашиваешь себя: зачем было огород городить? Для чего было свергать большевизм, — да и свергли ли его? Раз он фактически продолжает оставаться у кормила правления...

ВСЕ ТЕ ЖЕ САМЫЕ

В этом же номере, в статье „Старые грабли“, А. Водозавов рассказывает: „С давних пор храню номера „Правды“ и „Известий“ с официальными (по моде того времени) „иконостасами“ членов политбюро, членов правительства, публикуемых после очередного исторического съезда или сессии Верховного Совета“, и цитирует стихи Пастернака:

**И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду нестерпим,
Фотографические группы
Сплошных свиноподобных рож.**

И добавляет: „А вы всматривались в нынешние „фотографические группы“; они вам ничего не напоминают?“

В самом деле...

АНТИПАТРИОТИЗМ

В статье „Подводная часть айсберга“, М. Ситников многократно употребляет в ругательном смысле слово национал-патриот. Он явно подразумевает национал-большевиков (как бы там они сами себя ни называли). Но это — весьма опасный путь! Все патриоты, везде и всегда, могут называться национальными (хотя смысл сюда можно вкладывать различный). А считать русский патриотизм преступлением могут только враги России.

Однако не принадлежит ли к ним и в самом деле „Русская Мысль“?

Совершенно непонятно, например, ее резко отрицательное отношение ко всем проектам объединения Белоруссии с Россией! Казалось бы, у всякого русского человека таковое не может вызывать ничего, кроме симпатии.

Или парижская газета подвергается давлению иностранцев, коему не в силах противиться? Но тогда, каких? Если американцев, то их мотивы понятны (хотя и не очень разумны). Если французов (во что не верится), то совершенно не последовательны. Если Ватикана... но его политика нам мало понятна и мы не беремся в нее вникать.

СБЛИЖЕНИЕ С МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИЕЙ

Газета обнаруживает вовсе неожиданный сдвиг в сторону коммунизма, печатая на первой странице рождественское послание патриарха Алексия; мало того, посвящая в том же номере огромную статью М. Ситникова („Итоги церковного года“) почти-тательнейшему рассказу об его деятельности.

Между тем, известны — и не сама ли „La Pensée Russe“ много и громко о том говорила? — сочувствие и тесные контакты возглавителя Московской Патриархии с национал-большевиками.

Что сей сон значит?

В. Р.

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" № 212

Беллетристика в ньюйоркском журнале практически отмирает; он все более определенно становится литературоведческим органом: публикации писем, воспоминаний, отдельные статьи на политические темы.

Повесть В. Бернштейна „Возвращение“ рассказывает историю новейшего эмигранта, прожившего девять лет в США и решившего навестить Москву потому что думает, что заболел смертельной болезнью (но выясняется, что ошибся). На родине он сразу попадает в клубок уголовных и политических приключений; в силу чего, после нескольких дней там, спешит вернуться в Америку. Взгляды героя (и, очевидно, автора) вполне симпатичны: антикоммунизм, возмущение присоединением Крыма к Украине... Жаль, что лично он становится несимпатичным, когда мы узнаем, что он в прошлом довольно подло обманул и бросил девушку (она, впрочем, нашла путь к Богу и дает ему правильный совет сделаться тоже верующим).

Рассказ О. Дидковской „На деревню бабушке“ составлен в форме репериски подростка, угоравшего в исправительный лагерь с его отыскавшейся прабабкой; сентиментальный и, в общем трогательный, он близок к газетному очерку. „Заметки художника“ С. Голлербаха поверхностны и мало содержательны. Ему кажется, что русские плохо понимают среднего американца, и он пытается нам преподать правильное понимание. Читая, думаешь: если человеку ничего сказать (во всяком случае, ничего важного или ценного) то зачем говорить, — да еще и в печати?

Письма А. Скалдина Вячеславу Иванову мало интересны; да и письма З. Гиппиус В. Злобину тоже.

Две статьи о Пушкине, — „Диптих Пушкина и палинодия митрополита Филарета“ М. Альтшуллера и „Александр Раевский — демон Пушкина“ не приносят ничего существенно нового.

„Типичный московский пейзаж“ И. Дюшена приятен своим антибольшевицким тоном; жаль, что он чересчур фрагментарен. Автор упоминает о самоубийстве Вышинского — факт, которого мы не знаем; вспоминает о лекциях историка Тарле, о которых хотелось бы слышать подробнее.

В. Лебедев, в статье „Загробное правосудие“ останавливается на бредовом характере нынешних судебных реабилитаций в „РФ“, в частности в отношении лиц как Абакумов, бывший министр МГБ, и другие чекистские палачи.

„Главные палачи и есть главные жертвы репрессий?“ — справедливо восклицает он, — „А кто же тогда обычные жертвы?“

Прилагаемые документы свидетельствуют о том, как не нравились советским деятелям, только что до того буквально купавшимся в крови, когда они сами попадали в обстановку камер, допросов и пыток.

В обширном отделе библиографии отметим рецензию Г. Иоффе, в частности, в том числе, на книгу итальянского журналиста Дж. Кьезы „Прощай, Россия!“, в которых слышится недовольство переворотом в России, как мол слишком радикальным и плохо продуманным. Полагаем, переворот оказался недостаточным радикальным, оставив у власти хищническую номенклатуру, которую следовало бы убрать (а лучше — уничтожить). Настроения г-на Иоффе нам чужды и взгляды его неубедительны.

Владимир Рудинский

ЮРИЙ ШИЛОВ

ПОЭЗИЯ СТОИЦИЗМА

Георгий Иванов... Забытое и воскресшее имя! В каком-то из своих стихотворений он так и говорит: — *„Нет, вспомните вы еще и меня...“* (впрочем, надо думать, из истинных любителей поэзии его никто и не забывал, хотя в Советском Союзе он и был запрещен). Несравненный мастер, уже первые его вещи в „Аполлоне“ вполне совершенны: *„Еще не грохнул улиц водопад, еще шумел Адмиралтейский тополь, но видел я, о, влажный бог наяд, как невод твой охватывал Петрополь. Сходила ночь, блаженна и легка, и сумрак золотой сгустался в синий, и мне казалось надпись по-латыни сейчас украсит эти облака“*. Чувствуете петербуржца, поклонника старинной живописи, полотн Клода Лоррена и Ватто. Один из первых его сборников так и назывался — „Отплывте на о. Цитеру“ (С. Петербург, 1912).

Ученик Гумилева, принятый в „Цех поэтов“ без баллотировки (единственный случай!) мне кажется даже превзошел своего учителя в „техническом отношении“ — в том, что считается поэтическим темпераментом и оригинальностью превзойти Гумилева было вряд ли возможно. Потомственный дворянин (имевший в роду матери трех крестовосцев из Голландии), с культурой, что называется, „в крови“, Георгий Иванов принял решение стать поэтом (вопреки воле матери и старшей сестры) еще в кадетском корпусе. Интересно описывает он свое первое посещение Александра Блока, которому был представлен Г. Чулковым: — Вот тебе, Саша, военный человек, не обижай его („Петербургские зимы“, очерк о Блоке и Гумилеве). Конечно же, такого человека Ленину следовало сразу же расстрелять. *„Теперь тебя не уничтожат, как тот безумный вождь мечтал“*, вспомнит он много лет спустя, уже в Париже.

Однажды, еще до эмиграции, кто-то спросил Владислава Ходасевича, как он находит Георгия Иванова? Ответ был примечательный: „Если в жизни поэта произойдет трагедия, то он станет большим поэтом“. Что и произошло. Поздней осенью 22-го года Георгий Иванов, вместе со своей женой, Ириной Одёвцевой, навсегда покинул родину. Эмиграция длилась 36 лет. Мы знаем, что это были за годы... И поэт не стеснял себя, „в выражениях любви“ к известному режиму: *„Погоны светятся, как встарь, на каждом красном командире. И на кремлевском троне царь в коммунистическом мундире. Двухсотмиллионная Россия — рай пролетарского труда, благоухает борода у патриарха Алексия!“* В 47-м году он писал: *„Россия 30 лет живет в тюрьме, на Соловках или на Колыме. И лишь на Колыме и Соловках Россия та, что будет жить в веках... протест сегодня бесполезный — победы завтрашней залог. Стучите в занавес железный, кричите: „Да воскреснет Бог!“* Не лучше относился он и к той „публике“, которая одно время делала в эмиграции „погоду“, а позднее так и просто скатилась к тому, что называла

себя „советскими патриотами“ и помогала НКВД-СМЕРШу вылавливать русских эмигрантов „второй волны“. Насмотрелся он на людей этого сорта еще дома, в Петрограде, видел своими глазами, *„как русская корона в февральскую скатилась грязь“*.

В конце двадцатых, в начале тридцатых годов Г. Иванов становится одним из самых значительных поэтов возникшего в эмиграции литературного течения и получившего название „Парижской ноты“, отмеченного печатью глубочайшего пессимизма и разочарования. Вот одно из стихотворных признаний Г. Адамовича, пародирующего здесь известную лермонтовскую „Благодарность“: *„За все, за все спасибо. За войну, за революцию и за изгнание. За равнодушно-светлую страну, где мы теперь влачим существование“*. Или: *„Тысяча пройдет, не повторится, не вернется это никогда. На земле была одна столица. Все другие — просто города... Друзья, слабеет в сердце свет, а к Петербургу рифмы нет“*. Читая стихи и прозу „Парижской ноты“, „проклятых поэтов“, особенно остро ощущаешь предгрозовую атмосферу Западной Европы тех лет...

Однако в жизни поэта-парижанина бывали и „неплохие времена“, одно время случилось даже и богатство (жена, Ирина Одёвцева, получила приличное наследство). Увы, война все потом развеяла. Но никогда не было ничего дороже родины: *„Голубизна чужого моря, блаженный вздох весны чужой для нас скорей эмблема горя, чем символ прелести земной“*. Были и такие строки: *„мы куда-то шли, шли, и в отчаянье пришли“*. И было от чего! Я имею тут в виду тему, которой редко касаются, да и мне не хотелось бы касаться — тему разобщения и враждебности друг к другу многих русских людей... Явление, кстати, послужившее, может быть, главной причиной гибели нашей родины. Нечто демоническое, о чем можно было бы написать целый трактат, а еще лучше — роман. Зловещий роман! Ведь это, согласитесь, ужасно, когда „двое русских образуют три партии“, когда Бердяев вешает на стену своего парижского кабинета портрет... Сталина. И тогда, наверное, у Георгия Иванова вырывались такие строки: *„Хорошо, что нет царя, хорошо, что нет России, хорошо, что Бога нет. Только желтая заря, только звезды ледяные, только миллионы лет! Хорошо, что никого, хорошо, что ничего. Так черно и так мертво, что мертвое быть не может и чернее не бывает. Что никто нам не поможет и не надо помогать!“* А это уж не о наших ли днях: *„И ничему не возродиться ни под серпом, ни под орлом“*. Понятно, он считал себя свидетелем, присутствующим при гибели тысячелетней русской цивилизации...

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что есть поэзия? Это ведь не литература. И не музыка, хотя последняя в ней и угадывается. Кто-то довольно удачно выразился: „смысловая музыка“... Ну, и, конечно же, не

только смысловая, помните, еще Маяковский говорил о некоем „гуле, проходящем через всю вещь“, на котором она и держится — главная, энергетическая сила поэзии! Интересно и знаменитое лермонтовское: *„Есть слова значенье, темно иль ничтожно, но им без волненья внимать невозможно“*. Приходится, наверное, указать и на определенное родство поэзии с философией: концентрация выражения. И, пожалуй, самое точное, хотя и самое невразумительное: „язык богов“! Лермонтовское определение, правда, больше подходит символистам. А вот Г. Иванов не столько „поэт“, сколько „строит“. Впрочем, его „музыка“ более тонкая, более трудноуловимая, более „связана“ с интеллектом, а ум и интеллект поистине сверкают в каждой его строке: *„Меняется прическа и костюм, но прежним остается тело“*. Попробуйте родить пару таких строк! Или: *„И черни, требующей новизны, я говорю: нет новизны — есть мера. А вы мне отвратительно смешны, как варвар, критикующий Гомера“*. Это по адресу „интеллигентной“ черни, авангардирующей, выворачивающей русский язык наизнанку. И вот в стихах самого Г. Иванова нет ни единой „спорной“ строки — никаких „лѐвой“ и „парабол“, то есть, присутствуют, конечно, и новаторские образы, рифмы, словосочетания, но не в порядке эксперимента, а точно найденные и с редким вкусом дозированные.

Он очень серьезен в искусстве (в жизни, может быть, и не столь). Вершины скепсиса! *„Что ж, поэтом долго ли родиться, вот сумей поэтом умереть. Собственным позором наслаждаться, в собственной бессмыслице гореть“*. Безжалостность к себе! Тоненькая его книжка „Распад атома“ — о некоем духовном распаде людей двадцатого века... Многие стихи Г. Иванова мог бы, наверное, написать Гамлет. Тот же склад ума, тот же стиль, та же философичность. И еще такая особенность — при всех своих сомнениях и иронии, он сильный человек. Его стон непросто подслушать. В этом отношении он кажется мне антиподом Есенину, которого, повидимому, недолюбливал. За чувствительность! Г. Иванов — аристократ и будет умирать как аристократ: *„Меня вы не спасли, по своему Вы правы, какой-то там поэт... Ведь до поэзии, до вечной русской славы Вам дела нет“* (после неудачной операции). Сколько, однако, боли, горечи и одиночества в этих строках! Два самых крупных поэта русского Зарубежья, безусловно, — он и Цветаева. Но Цветаевой уже коснулась болезнь и надломилась семейная драма (я имею в виду ее бесславного мужа). А дальше уже все пошло, „как с горы“...

А вот стихотворение, какого не смог бы написать и Пушкин — не по дарованию, разумеется, а по времени! Его невозможно не привести полностью: *„Игра судьбы, игра добра и зла. Игра ума, игра воображенья. Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья. Мне говорят: ты выиграл игру. Но все*

равно я больше не играю. Допустим, как поэт, я не умру, зато, как человек, я умираю. Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья, я верю не в непобедимость зла, а только в неизбежность пораженья. Не в музыку, что жизнь мою сожгла, а в пепел, что осталась от сожженья“. Цинизм истины!

С середины прошлого века русская поэзия, как известно, находилась в упадке. В сущности, после смерти Гоголя (который считал себя поэтом) из крупных оставался лишь Тютчев, который, кажется, ничем себя не считал. Ну, были, конечно, Некрасов, Никитин... Однако к началу нового века в русскую поэзию пришла музыка... Символисты! Конец и начало века вообще ознаменовались явлениями культуры феноменальными и не знаю, где еще встречающимися. Такие созвездия в музыке как Бородин, Римский Корсаков, Мусоргский с конгениальным Петром Ильичем Чайковским „во главе“ и его как бы музыкальным сыном, Рахманиновым. А Скрябин и, несколько позднее, Сергей Прокофьев. А Шаляпин, *„который пел как никто не пел“*. И, пожалуй, не споеет. *„Такого больше не увидим и не услышим“*, сказал Рахманинов. Ведь врачи выписывали своим пациентам, утратившим интерес к жизни, в качестве рецепта — билет на его концерты, как и на концерты самого Рахманинова. А Врубель, Нестеров, Сомов... А МХАТ!

В это же время в русской поэзии и литературе происходят ошеломляющие события: высшее достижение, на какое только способен русский язык — Иван Александрович Бунин! *„Так не напишет и Тургенев, не говоря уже обо мне“* (Лев Толстой). А поэты: Александр Блок и Гумилев, Ходасевич и ранний Маяковский, лучший Есенин. Для великолепной семерки здесь не хватает лишь Георгия Иванова. Нельзя не вспомнить, конечно, и Б. Пастернака, со стихийностью его поэтического дарования раннего периода, эти: *„и сады, и пруды, и ограды и, кипящее белыми воплями, мирозданье — лишь страсти разряды, человеческим сердцем накопленные...“* Обо всем этом Георгий Иванов скажет так: *„Судьба одних была страшна, судьба других была блестяща. И осеняла всех одна Россия сказочная чаща“*. О самом Г. Иванове следовало бы написать целую книгу (не знаю, есть ли такая, по моему, все-таки нет). Поэт, у которого, что ни строка, то афоризм. Вот уж, действительно, у кого в стихах нет „воды“. Их тянет запоминать наизусть и тут же читать знакомым, всем кто подвернется под руку. При всей своей глубине, а подчас и трагизме, они напоминают мне порой шампанское. Да, безусловно, классик. И Тютчев, ликует, без помарки: *„Оратор римский говорил“*. Виртуозное мастерство, присущее ему с юности, с годами обретает форму высшей простоты и весомости: *„Я хотел бы унынуть, отдохнуть, домой вернуться. Я хотел бы так немного, что, что есть“*

почти у всех. Но что мне просить у Бога и бессмыслица и грех".

Появился удивительный, "открытый звук", идущий от сердца к сердцу, как у Шопена... "Эмалевый крестик в петлице и серой тужурки сукно, какие прекрасные лица и как это было давно! Какие печальные лица и как безнадежно бледны... наследник, императрица, четыре великих княжны".

Поэт трудно умирал. В бедности, в старческом доме... В одном из последних своих писем умолял русскую эмиграцию не оставить без гроша его Возлюбленную, его жену, над чем подшучивал Г. Адамович (бывший друг), заключив слово "жена" в кавычки. Может быть, в жизни и бывало нечто, давшее ему основание для иронии, однако в вечность перешло другое: "Распыленный миллионом мельчайших частиц, в ледяном, безвоздушном, бездушном эфире, где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц, я вернусь отраженным в потерянном мире... И опять в романтическом Летнем саду, в голубой белизне петербургского мая по пустынным аллеям неслышно пройду, драгоценные плечи твои обнимая". В любовной мировой лирике найдется немного таких строк. Или: "...Над белым кладбищем сирень цветет, над белым кладбищем заря застыла, и я не вздрогну, если скажут: — Вот Георгия Ивάνова могила... И если ты — о, нет, я не хочу — придешь сюда, ты принесешь мне розы, ты будешь плакать — я не отличу от ветра и дождя слова и слезы..." Чувство это, видимо, было очень сильным, во всяком случае, оно прошло через всю его жизнь... И самое последнее стихотворение обращено к ней, к Ирине Одёвцевой: "...Пускай прелестных звуков столкновенье, картавый, легкий голос твой преобразят стихотворенье,

последнее, написанное мной". Август 58-го года. Уже вместо окон поэт видел "дымные пятна" и ночное небо, "как персидскую шаль..." В последние дни взор его был обращен к Пушкину: "Александр Сергеевич, я о Вас скачаю. С Вами посидеть бы, с Вами б выпить чаю. Вы бы говорили — я, развесив уши, слушал бы да слушал! Вы мне всё дороже, Александр Сергеевич, Вам пришлось ведь тоже захлебнуться горем, злиться, презирать. Вам пришлось ведь тоже трудно умирать". Интонация почти равного с равным, и какая естественность. Написано, повидимому, в последний месяц жизни, в местечке близ Ниццы...

В стихах Г. Ивάνова много мрака, пессимизма, даже отчаяния: "А, впрочем, есть развлеченья: страх бедности, любви мученья, искусства сладкий леденец, самоубийство, наконец!" Но вот что удивительно, поэт остается непобежденным, умудряется смотреть на свои страдания сверху вниз... Как это ему удается? В этом тайна его личности и его поэзии, ее редкое обаяние и достоинство. Г. Ивάνов стоик. Многие так называемые жизнелюбивые, исполненные оптимизма, поэты выглядят, однако, рядом с ним менее надежными и устойчивыми — он, как ни странно, более мужчина. Я вспоминаю одно реченье афонского старца Силуана, между прочим, нашего современника ("Житие старца Силуана" в записи иеромонаха Софрония): "Держи ум во аде и не отчаивайся!"

Г. Ивάνов оставил обширное и ценнейшее наследие в прозе и публицистике, если ее только можно так назвать. Вот совершенно блестящий критический этюд "В защиту Ходасевича". Два слова об этом. В свое время чуть ли не сам Мережковский имел смелость, а лучше сказать неосторожность, сравнить Хода-

севича с А. Блоком, назвать его "Блоком наших дней". Отдав полной мерой должное Владиславу Ходасевичу, превосходному поэту, Г. Ивάνов, тем не менее, самым убедительным образом показал, что место, оставленное Блоком, остается незанятым... поставив его даже рядом с Пушкиным (по нисходящей, разумеется), с чем впоследствии согласился и сам Ходасевич.

Изумительны "Петербургские зимы", книжка небольших рассказов и очерков о самом драматическом периоде жизни великого города, растерзанного Совдепией, погружающегося на дно небытия, захлестнутого хлябью и хаосом советского окаянства (1919-20-21 годы). А, например, очерк его о Блоке и Гумилеве принадлежит вообще к лучшему, что о них когда-либо было написано. Близко знавший "Александра Александровича" и "Николая Степановича", частый их собеседник и соратник по "перипатетическим прогулкам", он буквально воскрешает их облик. "Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем, вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты, мы спокойно, классически просто идем, как попарно ходили когда-то поэты". Так и видишь Блока, тщательно протирающего специально предназначенным для этого полотном стакан и глядящего "на свет" — не осталось ли на нем пылинки, прежде чем наполнить его "Нюи" из шкафа с шелковыми зелеными занавесками, уставленного бутылками этого редкого вина. Наливает полный стакан и выпивает его до дна. Проходит час-другой, снова встает из-за стола и все повторяется. Без этого не может работать. Его комнату на самом верхнем этаже с широким окном, открывающим вид на "Новую Голландию". И Гумилева, помещивающего сабелькой сына угли в пылающей

"буржуйке". "Я сказал, что поэма Блока "Двенадцать" кажется мне почти гениальной. Помолчав, Гумилев ответил: — Да, гениальная... Но в ней он снова распял Христа и вторично расстрелял императора. Сатана тоже гениален, но тем хуже для нас и для него!" И последний вечер, когда студийцы долго стояли у дома Гумилева, провожая его, и все не желая расстаться, а чекисты в это время уже сидели в его квартире... Потрясает крохотная новелла о 18-летнем петербургском поэте Каннегисере, застрелившем шефа петроградской ЧК Урицкого: "Запомните, Урицкого застрелил поэт". Я не знаю, написано ли кем-нибудь лучше и точнее о Есенине, дана ли кем-нибудь более верная оценка его творчества и личности.

Во "Всемирной Литературе", основанной М. Горьким, Г. Ивάνов занимался и переводами поэзии с иностранных языков. Его переводы были признаны образцовыми. Интересен и его новаторский роман "Третий Рим", написанный в совершенно оригинальной манере (проза поэта). Дана потрясающая картина приближающейся гибели той России, современником которой он был, картина во многом напоминающая гибель того, первого Рима, вплоть до сходства в зловещих деталях: та же роскошь и те же извращения, полный беспорядок в жизни верхов, растерянность и беспомощность порядочных людей, коррозия и демонизация жизни, неотвратимо идущей ко дну...

"Но песня песню все пребудет, в толпе все кто-нибудь поет" (А. Блок). Такой вот птицей, "певчим дроздом", и был Георгий Ивάνов, выпевал свою боль, а вышла Песнь Души и Страны на самом, быть может, трагичном отрезке ее времени, ее истории.

ЮРИЙ ШИЛОВ

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

РЫЦАРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Багодарю за юбилейный номер "Нашей Страны" и поздравляю со славы для всех нас юбилеем. В 62-м номере "Вече", который сейчас готовим, будет "официальное" поздравление от нашего альманаха. Номер замечательный во всех отношениях, — и по содержанию и полиграфически. Спасибо и за такую замечательную фотоработу, которую редакция присоветовала. Желаю дальнейших успехов в поистине рыцарском служении — пером-мечом, в газете, которая была и остается гордостью Белого Русского Зарубежья.

Евгений Вагин (Италия)

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Дорогие братья и сестры! Вы все знаете о бедственном положении жителей на нашей несчастной родине. Как вы объясните ребенку с протянутой ручкой: "мама, дай мне кушать, я голодный", что у мамы самой, ничего нет, чтоб накормить свое дитя? Жалования не получают, пенсии также, цены повышаются... Вы сами вероятно догадываетесь к чему могут привести не-

счастную мать в такой обстановке.

Как можно хотя бы мало-мальски помочь? Пока Бог милует, я с матушкой посылаем почти каждый день продуктовые и вещевые посылки до пяти килограммов, больше — нам не под силу. Посылаем овсянку, крупу, пюре, мясные и рыбные консервы, сахар, шоколадное масло, сыр, молоко, конфеты, всевозможные шоколадные изделия, какао, печенье, разные сорта супов, которые дети любят. Посылаем мы все посылки заказной почтой — наша гарантия, что все доходит до места назначения.

Если кто немощен или просто по непредвиденным обстоятельствам не может послать посылки своим родным, пришлите нам вашу посылную лепту и мы за вас пошлем вашу помощь, туда куда вы нас попросите.

В данный момент мы отправляем посылки родителям из Чернобыльской области, которые в Люксембурге лечили своих детей от рака крови.

Если хотите просто посылать для неимущих, обозначьте на вашем письме "для неимущих" и мы пошлем тем, кто на самом деле нуждается и голодает. Кроме благодарности и молитв о своих

благотельях вы ничего другого не получите. Наш адрес: Reverend pere Serge Poukh. 16, rue Maréchal Foch. L-1527, Luxembourg. Tel. 446207.

Люди часто желают друг другу счастья. А что представляет из себя счастье? Счастье — это когда ты делаешь добро твоему ближнему. Как учит нас Спаситель? "Что ты делаешь для одного из малых сих, ты Мне делаешь". Ведь не забывая наших голодающих братьев и сестер, мы так сказать даем взаймы Самому Богу, Который нас не забудет ни в этой жизни, ни в будущей.

Отец Сергей Пух (Люксембург)

КРИМИНОЛОГ И КРЕМЛИНОЛОГ

Прочитал забавную заметку А. Рахманова, что специалист по Пушкину — пушкинист, но что специалист по Данте — конечно не дантист! В связи с этим вспомнил, что существует термин — криминалист, то есть специалист по криминалистике. По-французски, однако, это выражение звучит как "криминолог". Так вот, за время "холодной войны" во французскую разговорную речь вошел термин, звучащий очень похоже,

— "кремлинолог", то есть специалист по Кремлю, то есть по советским делам, по большевицким акциям и преступлениям, — исходящим, как каждый понимает, от Кремля! Да, за время советского владычества, это священное наименование сделалось синонимом всякой порочности, всяких преступлений... Криминалистика.

Поезжай советский гражданин в любую из "освобожденных" Красной Армией стран, его там встретят как представителя чего-то порочного. Шину проткнут. В ресторане часами не подойдут к столику (если услышалась русская речь). Вот тебе и "освободители".

Другое дело Российская Императорская Армия. После освобождения от Наполеона, русские были желанными гостями в любой стране. Вот и вся разница между Отечественной войной при Императоре Александре, и так называемой "отечественной" советской, когда ряды советской стороны с охотой покинули миллионы. По советской терминологии — "изменники". Но почему при Императоре Александре ни об одном изменнике не было слышно?..

Д. Ржанов (Франция)

ЭДУАРД ТОПОЛЬ (Москва)

"ВОЗЛЮБИТЕ РОССИЮ, БОРИС АБРАМОВИЧ!"

Все началось с факса, который я послал Б. А. Березовскому 26 июня с. г. В нем было сказано: *"Уважаемый Борис Абрамович! По мнению моих издателей, успех моих книг вызван напряженным интересом западного читателя к реальным фигурам, творящим современную российскую историю: Брежневу, Андропову, Горбачеву, Ельцину и их окружению. Сейчас я приступаю к работе над книгой завершающей панораму России конца двадцатого века, и совершенно очевидно, что лучшего прототипа для главного героя, вовлеченного в захватывающий поток нынешних российских катаклизмов, чем Б. А. Березовский, и лучшей драматургии, чем Ваша феноменальная биография, профессиональный писатель не найдет и даже искать не станет. Надеюсь, Вы понимаете, насколько значимы могут оказаться наши встречи для построения автором образа человека, влияющего на ход русской истории конца двадцатого века..."*

Через два дня я был принят Березовским в его "Доме приемов" на Новокузнецкой, 40. В старинном особняке, реставрированном с новорусским размахом и роскошью, вышколаженные секретари подавали мне чай, а Борис Абрамович Березовский — принимал телефонные трубки и записки от министров и руководителей администрации президента. В ответ на мою благодарность за аудиенцию в столь напряженное время Б. А. заметил, чуть усмехнувшись:

— Вы же все равно будете писать...

Я понял, что этот прием — вынужденный; и перешел к сути своего визита:

— Борис Абрамович, истинный замысел моей книги вот в чем. На телевидении, как вы знаете, есть программа "Куклы". Там действуют куклы Ельцина, Ястржембского, Черномырдина, Куликова и прочие. Но главный кукловод — за экраном, и его фамилия — Шендерович. А в жизни есть российское правительство — Ельцин, Кириенко, Федоров, Степашин. Но главный кукловод имеет длинную еврейскую фамилию — Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский и так далее. То есть впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране. Я хочу спросить вас в упор: как вы собираетесь употребить ее? Что вы собираетесь сделать с этой страной? Уронить ее в хаос нищеты и войн или поднять из грязи? И понимаете ли вы, что такой шанс выпадает раз в тысячу лет? И чувствуете ли свою ответственность перед нашим народом за свои действия?

— Знаете... — затруднился с ответом Б. А. — Мы, конечно, видим, что финансовая власть оказалась в еврейских руках, но с точки зрения исторической ответственности мы на это никогда не смотрели...

— И никогда в своем узком кругу не обсуждали эту тему?

— Нет. Мы просто видели эту непропорциональность и старались выдвинуть во власть сильного финансового олигарха русской национальности. Но из этого ничего не вышло.

— Почему? И вообще, как так получилось, что все или почти все деньги этой страны оказались в еврейских руках? Неужели нет талантливых русских финансистов? Ведь в старой России были

недюжинные коммерческие таланты — Морозов, Третьяков...

— Знаете, — сказал Б. А., — конечно, талантливые банкиры есть и среди русских. Но в этой профессии второй главный фактор — наличие воли. Евреи умеют проигрывать и подниматься снова. Это, наверное, наш исторический опыт. Но даже самые талантливые новые русские — нет, они не держат удар, они после первого проигрыша выпадают из игры навсегда. К сожалению.

— Допустим. Но раз уж так случилось, что у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полуевреев Кириенко и Чубайса, вы ощущаете всю меру риска, которому вы подвергаете наш народ в случае обвала в пропасть? Антисемитские погромы могут обратиться в новый Холокост.

— Это исключено, — сказал Б. А. — Знаете, какой сейчас процент антисемитизма в России? Всего восемь процентов! Это проверено научно!

... Борис Абрамович, я не стану сейчас публиковать все содержание двух наших встреч. Не в них дело. А в том, что за два месяца, прошедших со дня нашего знакомства, Россия-таки ухнула в финансовую пропасть и стоит сейчас в одном шаге от кошмара социального безумия. А вы — я имею в виду и лично вас, и всех остальных евреев-олигархов — так и не осознали это как **еврейскую трагедию**. Да, так случилось, что при распаде СССР и развале советского режима вы смогли оказаться ближе всех к пирогу. Талант, еврейская сметливость и сила воли помогли вам не упустить эту удачу и приумножить ее. Но если вы думаете, что это ваша личная заслуга, вы трагически заблуждаетесь! А если полагаете, что просто так, ни за что ни про что избраны Богом стать суперфинансистом и суперолигархом, вы просто тяжело грешите. Да, мы избранники Божьи и мы действительно избранный Им народ, но мы избраны не для личного обогащения, а токмо для того, чтобы вывести народы мира из язычества и варварства в мир десяти заповедей цивилизации -- не убий, не укради, не возжелай жену ближнего своего... И этот процесс еще не закончен, о нет! Почему нам и даны наши таланты, сметливость, быстрота ума и та самая воля, которой вы так гордитесь. Когда каждый из нас окажется там, наверху, Он, Всевышний, не станет спрашивать, что плохого или хорошего мы совершили на земле, Он задаст нам только один вопрос, Он скажет: "Я дал тебе такой-то талант, а на что ты его употребил? Ты употребил его на приобщение к цивилизации народа, к которому Я тебя послал, к его процветанию и гуманности, или ты воспользовался Моим даром для того, чтобы набить свой сейф миллиардом долларов и трахнуть миллион красивых женщин?"

И отвечать мы будем соответственно размеру полученного Дара и нашим способам его употребления.

Но мы с вами, конечно, атеисты, Борис Абрамович, и ваши друзья-олигархи тоже. Поэтому загробные кары нам не страшны, мы выше этих пошлых и детских сентенций. Как говорят в народе, не учите меня жить, лучше помогите материально. Так вот, я хочу сказать вам совершенно материально: забудем на минуту о десятках тысяч евреев, которых при первой

волне погромов вырежут новые российские черносотенцы, забудем об их детях и матерях. Но даже если, забыв о них, вы успеете улететь из России на своих личных самолетах, вы все равно будете конченными людьми — вы потеряете доступ к рычагам власти и экономики этой страны, вы станете просто беженцем на инаязычной чужбине. Для вас это, поверьте моему опыту, будет смерти подобно — даже при наличии ваших счетов в швейцарских банках.

И потому тот факт, что ни свой Божий дар, ни свои деньги вы все еще не употребили на благо этой страны и этого народа, — это самоубийству подобно.

А теперь вспомним — все-таки вспомним, Борис Абрамович, обо всех остальных евреях и полувреях, населяющих эту страну. Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о приумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер, и кончилось это Холокостом. Новые же русские чернорубашечники и фашисты восходят при вас, сегодня, на тучной ниве российской беды, и если вы хотите знать, чем это кончится, возьмите кинохронику Освенцима и посмотрите в глаза тем детям, которые стоят там за колючей проволокой. А ведь немцы были великой и цивилизованной европейской нацией, ни один их поэт не сказал о них: "Страшен немецкий бунт, бессмысленный и беспощадный". Так неужели вы всерьез верите, что в России сегодня лишь восемь процентов антисемитов? Или вы думаете, что погром — это уже исторический фантом, архаизм и, как вы выразились, "это исключено".

Хрена с два, Борис Абрамович (извините за русский язык)!

В 1953 году я пережил погром в Полтаве — тогда, в период "дела врачей", на полтавском Подоле, уже начались настоящие погромы, и мы, несколько еврейских семей в центре города, забаррикадировались в квартирах, трое суток не выходили на улицу, а когда вышли, то прочли на своем крыльце: "Жида, мы вашей кровью крыши мазать будем!". И потому я знаю и помню, как это легко начинается: только дай нищему и злому гарантию ненаказуемости, он пойдет жечь, насиловать и грабить везде — и в Полтаве, и в Москве, и в Лос Анжелесе.

Я родился в Баку, Борис Абрамович, и там же прошла моя юность. И у меня есть друг, он был фантастически богат даже в советское время, то есть тогда, когда мы жили на 120 рэ кандидата наук, а для плотских утех пользовались однокомнатной квартирой своего приятеля. Однажды домашние разбудили моего друга среди ночи, сказали: там пришли какие-то люди, хотят с тобой поговорить. Он встал, оделся и вышел. В прихожей стояли две рыдающие азербайджанки. Они сказали: Леонид, помогите нам! Наш отец умер, он лежит в морге, в больнице, и врачи собираются его препарировать. Но наш мусульманский закон запрещает это. Мянулум, умоляем: остановите их, помогите нам получить тело нашего отца неизуродованным!.. Мой друг поехал в больницу, нашел дежурного врача, тот оказался тоже азербайджанцем. И мой друг сказал: "Как же ты, азербайджанец, можешь нарушать закон своего народа, как ты можешь допустить, чтобы я, еврей, приехал

просить тебя уважать твой мусульманский обычай?!" Конечно, он дал тому врачу взятку и выкупил тело отца тех женщин. Иначе и быть не могло — те женщины знали, к кому они шли за помощью, у моего приятеля была всебакинская репутация благотворителя. Знаете, чем это обернулось? Когда годы спустя в Баку начались армянские погромы, его возлюбленная, армянка, бежала из дома и пряталась в квартире своей бабушки. Он приехал за ней, чтобы вывезти из Баку. Но по дороге в аэропорт она сказала, что хочет в последний раз взглянуть на свой дом. "Он весь разбит, разорен, я уже был там!" — сказал ей Леня. "Все равно. Пожалуйста, я хочу на прощание взглянуть на свой дом..." Он привез ее к дому. Забор был сломан, сад разбит, дом сожжен и разрушен. Она ходила по руинам и собирала уцелевшие семейные фотографии и подстаканники. И в это время во двор ввалилась толпа разъяренных погромщиков — кто-то из соседей сообщил им, что "армянка вернулась". "Ты когда-нибудь видел лицо разъяренной толпы?" — рассказывал мне Леня. — Они шли прямо на нас, моя невеста стояла у меня за спиной, и я понял, что сейчас мы погибнем. Их было двести человек, в руках — топоры, дубины, обрезки труб. У меня был пистолет, но я понимал, что не успею даже сунуть руку в карман. И вдруг в тот последний момент, когда уже кто-то взмахнул дубиной или топором, вперед выскочил какой-то старик и закричал по-азербайджански: "Стойте! Я знаю этого человека! Этот человек всегда делал нам только добро! Клянусь предками — весь Баку это знает! Он должен уйти отсюда живым!" И, представляешь, они погромщики! — раздвинулись, они сделали живой коридор, и мы с Адой прошли сквозь эту толпу к моей машине, сели и уехали в аэропорт".

Вы же умный человек, Борис Абрамович, вы уже поняли, почему я рассказал о своем друге. **Таким должен быть каждый еврей.** Деньги, которые дает нам Бог при феодализме ли, социализме или капитализме, даны не нам, а через нас — тем людям, среди которых мы живем. Только тогда наши прибыли будут приумножаться — по воле Его. И только тогда мы — евреи.

Сегодня народ, среди которого мы живем, в настоящей беде. В стране нищета, хаос, отчаяние, голод, безработица, мародерство чиновников и бандитов. Наши возлюбленные, русские женщины, на панели. Так скиньтесь же, черт возьми, по миллиарду или даже по два, не жидитесь и помогите этой нации на ее кровавом переходе от коммунизма к цивилизации. И скиньтесь не только деньгами — скиньтесь мозгами, талантами, сноровкой, природной и Божьей сметливостью, употребите всю свою силу, волю, власть и богатство на спасение России из пропасти и извлечение ее от лагерно-совковой морали и этики. Люди, которых вы спасете, оградят нас и вас от погромов, а матери ваши, ваши еврейские матери, скажут вам тихое "мазул тофи!".

А иначе какой-нибудь очередной Климов напишет роман "Еврейская власть" — об истреблении евреями русского народа. Вы этого хотите, Борисы Олигарховичи?

ЭДУАРД ТОПОЛЬ

"Аргументы и Факты" № 38, 1998

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

БОЛЬШЕВИК ГОРБАЧЕВ

Нам пишут из Москвы:

Бывший генсек М. Горбачев, в интервью „Независимой Газете“ заявил, что большевицкая революция 1917 года была „актом, продиктованным жизнью“, а посему „предавать Великий Октябрь анафеме сегодня не стоит. Более того — революция носила мирный характер. Это потом уже началось...“

ПЬЯНЫЙ ШТУРМ ЗИМНЕГО

Нам пишут из Москвы:

Газета „Аргументы и Факты“ написала, что „из кинолент, книг и полотен советского периода мы когда-то составили себе картину взятия Зимнего Дворца — с большой стрельбой, броневиком, революционными матросами, карабкающимися на решетку. В последние годы мы, кажется, начали понимать, что дело ограничилось вялотекущей перестрелкой“.

Затем газета отметила, что „сегодня мало кто вспоминает о втором штурме Зимнего — куда более кровавом и страшном, чем первый. Производя „инвентаризацию“ помещений дворца, утром 26 октября, по старому стилю, большевики спустились в царские погреба. Здесь лежали сотни бочек

и тысячи бутылок вина многолетней выдержки, подававшегося к столу Государя Императора. Большевицкие массы пошли на новый штурм. Кордоны красноармейцев были мгновенно смяты, а ввести в бой пулеметчиков и броневики их начальники не решились, опасаясь бунта всего петроградского гарнизона“.

Согласно газете „первый раз Зимний заняли относительно малой кровью: считается, что погибло не более семи человек. Второй штурм дворца повлек за собой значительно большие жертвы“. Большевики в буквальном смысле толпились в вине, стрелялись в пылу пьяных ссор.

Как впоследствии вспоминал Троцкий, вина было так много, что оно стекало ручьями в Неву, а пьяные большевики лакали его прямо из канавы.

ЕЩЕ ЭКСПЕРИМЕНТ?

Нам пишут из Москвы:

Местный городской голова Юрий Лужков заявил: „Мы должны распространить философию Москвы на всю страну: работать как под капитализмом, распределять как под социализмом и развиваться как при полной демократии“.

Газета „Известия“ приписала такую „философию“, удару по голове, полученному Лужковым во время недавнего футбольного матча: „Это то же самое, что играть в теннис на роликах с футбольным мячом“, связала газета и добавила: „Россия вряд ли выживет после нового философского и идеологического эксперимента...“

КОНФЕРЕНЦИЯ ИМПЕРЦЕВ

Нам пишут из Воронежа:

В кинотеатре „Юность“ состоялась научная антикоммунистическая конференция „Итоги и уроки 1917 года“, посвященная памяти протоиерея Льва Лебедева.

По инициативе Воронежского отдела Российского Имперского Союза-Ордена и Воронежского Губернского Дворянского Собрания, в работе участвовали представители различных партий и движений и независимые исследователи.

Евгений Августин, аспирант ВГПУ выступил с докладом „История созыва и роспуска Учредительного Собрания“.

Юрий Лукин, преподаватель истории, осветил тему „Красный террор в Воронеже“. Он доказал, что красный террор в Воронеже носил массовый характер и затрагивал представителей всех сословий. В то же время Белая Армия действовала адекватно ситуации Гражданской войны, но в рамках законности.

Людмила Морозова сделала доклад „О деятельности общества „Мемориал“ по изучению фактов массовой репрессии в советский период“. Общество „Мемориал“ ведет обширную работу по исследованию обстоятельств массовых репрессий на территории Воронежской области в годы советской власти. Обществом регулярно проводятся мероприятия памяти жертв красного террора.

Геннадий Шимко-Юшков, начальник Воронежского отдела Имперского Союза и вице-предводитель Воронежского Губернского Дворянского Собрания коснулся темы „Международно-правовая оценка событий и последствий 1917 года“. Он отметил, что в соответствии с нормами международного права, деятельность государственных органов РСФСР и СССР должна быть рассмотрена, как преступление против мира и человечества (Конвенция ГА ООН 1948 года о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него). СССР несет также ответственность за военные преступления (нарушения Гаагской конвенции 1899 г. и 1907 г.), в соответствии с Конвенцией ГА ООН 1958 г. о неприменении срока давности к военным преступлениям и престу-

плениям против человечности.

Имперец Александр Арапов, кандидат философских наук и преподаватель Воронежского Государственного Университета сделал доклад на тему „Идея Священной Империи и события 1917 года“.

Конференция завершилась общей дискуссией по затронутым в докладах проблемам.

С заключительным словом выступил Геннадий Шимко-Юшков, повторивший тезис о Льва Лебедева о том, что „русский народ в известном смысле прекратил свое существование. В настоящий момент существует русскоязычный контингент, утративший в большинстве своем православие, в значительной своей части безбожный. Истинная русскость сохранилась лишь в эмигрантах первой и второй волны. Отдельные живые клетки в национально-государственном организме не могут изменить его мертвой сущности. Без особого Божьего благоволения возрождение России невозможно“.

ИМПЕРСКИЙ СОЮЗ

Нам пишут из Нью Джерси:

В 1999 году исполняется 70-летие со дня основания Российского Имперского Союза-Ордена. В связи с этим руководство этой организации призвало ее членов принять участие в составлении юбилейного сборника. Статьи, стихотворения, воспоминания, заметки следует посылать по адресу Информационного Центра Имперского Союза (199397 Санкт Петербург, а/я 249, Б. С. Туровскому) или начальнику организации (George Fedoroff, 611 D Willow Lane, Whiting, NJ, 08759, USA).

Второй Съезд Российского Имперского Союза-Ордена состоится в начале октября 1999 года в Санкт Петербурге.

МОНАРХИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

Нам пишут из Москвы:

В одном из помещений Государственной Думы состоялся учредительный съезд общероссийской общественно-политической организации „За Веру, Царя и Отечество“. По сути съезд был объединительным, поскольку в нем приняли участие представители ряда монархических организаций: Всероссийского Монархического Центра, Российского Имперского Союза-Ордена и Российского Христианского Монархического Союза.

Съезд принял устав организации и избрал ее председателем иеромонаха Никона (Белавенца).

Однако в министерстве Юстиции „РФ“ при регистрации выбросили из названия слова „за царя“, хотя в уставе организации было написано, что конечной ее деятельностью является восстановление монархии в России. Сотрудники министерства заявили, что организации с подобными целями и названием никогда не регистрируют, так как они де „покупаются на конституционный строй „Российской Федерации““. По той же причине до сих пор не удалось зарегистрировать в министерстве Юстиции организацию Высший Монархический Совет.

ОПЕЧАТКИ

В статью В. Н. Беляева „Национал-большевизм“ вкралось ряд опечаток:

Поначалу ленинскую РСФСР, а после 1922 (напечатано „1927“) года Советский Союз национал-большевики объявляют новыми формами существования русского национального дома; их русским патриотам должно защищать и поддерживать, поскольку эти государственные образования выражают и защищают интересы русского народа, и обеспечивают его существование и процветание.

Однако, это ущербное прозвучание имело на какой-то короткий срок и положительное (напечатано „продолжительное“) последствие: в тяжких условиях постоянных окриков из ЦК КПСС, немногие герои духа все же смогли использовать формальную терпимость советами хотя бы и ограниченной русскости и предпринять восстановление основ национального сознания России. Примером такого духовного подвига является ныне покойный В. А. Солоухин.

...надсмотрщик ЦК КПСС по идеологии М. Суслов удрал из Ставрополя (напечатано „Севастополя“) при приближении Вермахта). Конечно, как во всякой мифологии, вымыслы не выдерживают...

Однако, до поры до времени еще надо помнить, с чем мы имеем дело. Национал-большевики все еще шипят, кликушествуют, пытаются оправдать (напечатано „поправлять“) СССР, клеветают исподтишка на белую гвардию, рядятся в ризы патриотов и поборников Исторической России.

ОБРАЩАЕМСЯ К РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ С ПРОСЬБОЙ О ПОМОЩИ В ПОИСКЕ СВЕДЕНИЙ

Константин Павлович Павлов, дворянин, (1899-1944), учился в Московском Университете на медицинском факультете, служил в армии генерала Врангеля, награжден орденом за Ледяной Поход. С 20-х годов проживал в Париже, где работал шофером, умер в 1944 году, был похоронен на кладбище Сен Женеьев де Буа. Информацию просим присылать по адресу: Казахстан, 480035, г. Алматы, 11 микрорайон, д. 7, кв. 23. Евгению Павловичу Павлову, тел. (3272) 21-15-57 или по адресу редакции газеты „Веди“.

Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля, дворянин, (1864?), русский зоолог, профессор Петербургского Университета, участник полярной экспедиции 1900-1903 гг. под начальством барона Толля.

Давыдова, дворянка, имя неизвестно, отчество Семеновна. В предреволюционные годы была игуменьей женского монастыря в Костроме. А также о ее брате, русском офицере **Давыдове**, который в годы Гражданской войны оказался в эмиграции.

Просим любую информацию о **Маянском, Иване Ивановиче**, дворянине, участнике Первой Мировой войны, полковнике, выпускнике Петербургского юнкерского училища. Дальнейшая судьба его после Октябрьского переворота неизвестна.

Будем благодарны за любую информацию о них, присланную в редакцию на имя Константина Бируля (480004, Казахстан, г. Алматы, ул. Макатаева 100, ком. 44, 45) или сообщенную по телефону (3272)33-34-87. (Редакция „Веди“)